

LITERATURE OF THE EAST

Literature of the peoples of foreign countries

ЛИТЕРАТУРА ВОСТОКА

Литература народов стран зарубежья

Научная статья

Филологические науки

УДК 82.091:821.512.36(1240)

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-2-504-524>

Проблемы рецепции, перевода и интерпретации «Сокровенного сказания монголов» (1240) в российском востоковедении (на примере труда С. А. Козина)

Елизавета Ешиевна Балданмаксарова

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Москва, Россия,
liza.bur@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7322-2478>*

Аннотация. Статья посвящена одному из первых крупных историко-литературных памятников средневековой монгольской литературы под названием «Сокровенное сказание монголов» (1240). Пальма первенства введения в научный оборот данного произведения принадлежит российскому востоковедению. Обнаружение и приобретение его краткого текста в транскрипции китайскими иероглифами в Пекинской императорской библиотеке П. И. (Палладием) Кафаровым, перевод, комментирование, составление словаря и издание им указанного текста в «Трудах членов Российской духовной миссии в Пекине» (1866) стало событием, положившим начало его академическому изучению. В первой половине XX в. выходит научный труд академика С. А. Козина, посвященный исследованию «Сокровенного сказания монголов» (1941), который был высоко оценен в мировом востоковедении. Выход данного труда, включающий реконструкцию, восстановление первоначального прозопоэтического текста и представление его на монгольском языке, а также в переводе на русский язык, интерпретация его автором, данная им характеристика, его исследовательский подход, предпринятые им принципы перевода подняли на новый уровень исследование средневековых текстов. Труд Козина явился импульсом для дальнейшего изучения «Сокровенного сказания монголов» на евразийском пространстве. Предпринятый в данной статье анализ памятника на примере труда С. А. Козина позволил нам рассмотреть некоторые актуальные проблемы, в частности, проблемы перевода древних текстов, их интерпретации, комментирования и восприятия в российском монголоведении.

Ключевые слова: средневековая монгольская литература; российское монголоведение; «Сокровенное сказание монголов»; Палладий Кафаров [Кафаров, Петр Иванович] 16(28).09.1817–6(18).12.1878; С. А. Козин [Козин, Сергей Андреевич] 7(19).10.1879–16.10.1956; текст; перевод; рецепция

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Балданмаксарова Е. Е. Проблемы рецепции, перевода и интерпретации «Сокровенного сказания монголов» (1240) в российском востоковедении (на примере труда С. А. Козина). *Ориенталистика*. 2021;4(2):504–524. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-2-504-524>.

Original article

Philological studies

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-2-504-524>

Problems of reception, translation and interpretation of “The secret history of the Mongols” (1240) in Russian oriental studies (on the example of the work of S. A. Kozin)

Elizaveta E. Baldanmaksarova

A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, liza.bur@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7322-2478>

Abstract. The article deals with one of the first major historical and literary texts of medieval Mongolian literature “The Secret History of the Mongols” (1240). The text was found and made public by the Russian Orientalist Scholars as early as the 19th cent. The Mongolian text transcribed in Chinese was discovered in the Chinese Imperial Library (Beijing) by Archimandrite Palladios (Petr Ivanovich Kafarov). He published the original text accompanied with translation, commentaries and an index in 1866 in the Proceedings of the Russian Orthodox Ecclesiastical Mission in Beijing. In 1941 S. A. Kozin (Sergei Andreevich Kozin) published research on “The Secret History of the Mongols”, which was highly acclaimed among the specialists in Mongol studies. This research comprised the reconstruction of the original prosaic and poetical Mongolian Urtext. The author’s research principles became a landmark in the Mongolian medieval studies both in Europe and Asia. Following the guidelines as suggested by S. A. Kozin the present research deals with the issues of translation and interpretation of medieval Mongolian texts, principles of commentary concerning their specific features in the Russian Mongolian studies.

Keywords: Mongols, literature, medieval; Russia, Mongolia, studies of; *The Secret History of the Mongols*; *Mongyol-un niyuča tobčiyān*; 元朝秘史; pinyin: *Yuáncháo Mìshǐ*; Palladios, Archimandrite, [Kafarov, Petr Ivanovich] 16(28).9.1817–6(18).12.1878; Kozin [Sergei Andreevich] 7(19).10.1879–16.10.1956; text; translation; reception

For citation: Baldanmaksarova E. E. Problems of reception, translation and interpretation of “The secret history of the Mongols” (1240) in Russian oriental studies (on the example of the work of S. A. Kozin). *Orientalistica*. 2021;4(2):504–524. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-2-504-524>.

Введение. Постановка проблемы

Изучение памятников средневековой монгольской литературы – во многом еще не раскрытого духовного богатства – является актуальным и востребованным в современном монголоведении. Проблемы взаимодействия разных литератур, соотношения их поэтических и

историко-культурных процессов и явлений всегда вызывали интерес. И любая национальная литература на каждом этапе, пытаясь художественно постичь окружающий мир, ищет свои способы и методы его осмысления. Наука о литературе в известной степени нивелирует индивидуальные различия, сложившиеся исторически в письменной культуре разных народов, и вводит их в общее русло. Рецепция, перевод, комментарий, интерпретация в литературе в целом глубинно связаны с такими ключевыми научными категориями, как смыслопорождение, специфика, особенность, инаковость и, соответственно, общность культур.

В XX в. в России и за рубежом активизировались научные исследования в сфере переводоведения. Изучается сущность процесса перевода и его закономерности, т. е. выходят на новый виток развития проблемы теории и практики перевода и связанные с ними проблемы. Теория перевода расширяет свои горизонты под влиянием новых направлений в гуманитарной науке. Будучи по сути универсальной сферой речевой деятельности, где входят в непосредственный контакт не только разные языки, но и разные культуры, перевод как научная дисциплина поднимает фундаментальные проблемы общегуманитарного характера, например, взгляд на сам перевод как на коммуникативный акт, эквивалентность и ее типы, семиотический подход и другие. На новый методологический уровень выходят проблемы рецепции текста, вопросы специфики переводимого текста, зависимость их от вида и жанра произведения, которые могут повлиять на понимание его смысла, комментирования и интерпретации.

Обращаясь к проблемам перевода, восприятия и интерпретации текста средневековой монгольской литературы в российском востоковедении, нельзя обойти вниманием такие важные понятия, как «текст», «инаковость культуры». Переводчик-интерпретатор, он же зачастую и исследователь, сталкивается с «другой культурой», отличной от его собственной, в которой он вырос, и потому его культурное поле, его собственный опыт не всегда могут быть достаточными. Поэтому изучение иной культуры невольно подталкивает исследователя к рассмотрению изучаемого текста в парадигме собственной культуры, к попытке рассматривать инонациональный материал в рамках той смысловой матрицы, которая сформирована в его родной культуре. Это, вероятно, одна из серьезных востоковедных проблем.

«Инаковость культуры, – пишет А. В. Смирнов, – может пониматься двумя разными способами. Первый – это содержательная инаковость, второй – логико-смысловой...» [1, с. 380]. Содержательная инаковость, по его мнению, присутствует всегда, но чтобы ее раскрыть, необходимо обязательно проникнуть в «смысловую логику» иноязычного произведения. Важно показать другую, отличную от культуры исследователя, внутреннюю логику выстраивания содержания, которая, как правило, управляется структурными законами и потому интерпретация текста

может быть самой различной. Ю. М. Лотман, рассматривая художественный текст как особую семиотическую структуру, особенно в своих поздних работах, в частности в книге «Внутри мыслящих миров», писал о смысловой множественности текста как о его характерной особенности и рассматривал текст как открытое пространство смыслопорождения. В связи с этим вспоминается понятие «открытое произведение», предложенное Умберто Эко [2]. «Открытое» – в силу многообразия вариантов прочтения, перевода, восприятия, комментирования, интерпретации произведения.

Российское монголоведение в первой половине XX в. окончательно оформилось в одно из направлений востоковедной науки. Верность избранной научной стезе, интерес к изучаемой стране, преданность ее истории, языку, литературе характеризовали основоположников российского монголоведения и их учеников. Изначально заложенная традиция опоры на тексты первоисточников сохраняется до сих пор. Поэтому огромное значение придавалось сбору редких монгольских рукописей и ксилографов, введению их в научный оборот, что, в свою очередь, предполагало комментирование переводимого текста, выявление его художественных достоинств и определение его места в контексте эпохи.

Историко-культурная ситуация в Центральной Азии на рубеже XII–XIII вв.

Обращаясь ко времени написания «Сокровенного сказания монголов» (*Mongyol-un niyuča tobčiyān*; 元朝秘史) (далее – ССМ), необходимо отметить, что к концу XII в. на территории современных Монголии, Внутренней Монголии Китая, Иркутской области, Забайкальского края и Республики Бурятия Российской Федерации кочевали многочисленные племена: буряты, джалаиры, кэрэиты, меркиты, найманы, ойраты, тайчиуты, татары и др., которые в культурном отношении отличались друг от друга уровнем социально-экономического развития и спецификой адаптации к природно-географической среде. Однако, несмотря на некоторые различия, эти племена имели много общего в языке, характере и способе ведения хозяйства, культуре и обычаях, что дает возможность говорить о единой кочевой цивилизации центральноазиатского мира. По мнению археологов, «предшествующие Монгольскому государству периоды Тюркских, Уйгурского и Кыргызского каганатов нельзя рассматривать как эпоху или историю только тюркоязычных народов, т. е. ранних тюрков. Нужно исходить из постулата, что монголы в целом, и физически, и культурно, явились наследниками всех тех этнокультурных процессов, которые происходили на территории Центральной Азии, начиная с Хуннского раннего государственного образования» [3, с. 35]. Квалифицируя памятники ранних монгольских этносов, эти ученые пришли

к выводу, что «около 250 памятников находятся на территории Забайкалья, остальные около 60 – в Монголии» [3, с. 35]. Сравнительный материал показал идентичность памятников XII–XIV вв. в Монголии, Забайкалье и Туве, что подтверждает духовное и культурно-политическое единство всего центральноазиатского суперэтноса. Несомненно, велика роль уйгурской поэзии, литературы и умело сложенной художественной речи в формировании и становлении монгольской словесности, особенно в ранний период. К самым первым памятникам монгольской литературы XIII в., дошедшим до нашего времени и написанным старомонгольским письмом, относится «Чингисов камень» (1220), найденный на территории современного Забайкальского края, который хранится в настоящее время в Эрмитаже.

«Сокровенное сказание монголов» – первый крупный монгольский средневековый историко-литературный памятник

Монгольская литература возникает в первой половине XIII в. – почти в одно время с образованием Великого Монгольского государства. Стремительное возвышение Монгольской империи на мировой арене довольно полно отразилось в первом дошедшем до нас историко-литературном произведении монголов «Сокровенное сказание монголов» (*Mongyol-un niyuča tobčiyān*, 1240) или «Секретной истории монгольской династии Юань»¹ (元朝秘史; *Юань-чао-ми/би ши*²). Его ценность, несомненно, в том, что оно было написано непосредственно по свежим следам великих исторических событий начала XIII в. автором, который принимал в них активное участие и был близок к Чингис-хану и его сподвижникам. Он сумел без прикрас и пристрастий, и в то же время художественно поведать о жизни и деяниях Чингис-хана начиная с детских лет. Автору удалось выразить дух и атмосферу того времени, когда могущество и роль монголов возрастали, когда закладывались основы монгольской государственности, в итоге оказавшие колоссальное влияние на развитие народов и стран Евразии. Именно «Сокровенное сказание монголов» явилось первым письменным произведением молодого монгольского государства, и это определило его характер и идейную направленность. Основная задача автора – обосновать необходимость централизованной власти, для

¹ Монгольская династия Юань (1271–1368) была основана внуком Чингис-хана Хубилаем (1215–1294). В эпоху Юаньской империи монголо-китайские культурные связи были крайне сильны. В этот период была основана Академия литературы для составления истории монголов, где совместно работали литераторы и историки из Монголии, Китая, Персии и Тибета.

² В России XIX в. было принято написание «Юань чао ми ши». Написание «би» вместо «ми» ввели В. В. Бартольд и В. Л. Котвич в начале XX в. Китаист и монголист Б. И. Панкратов отмечал, что чтение «ми» соответствует пекинскому произношению [4, с. 5]. В настоящее время в Китае принято чтение «ми» [5, с. 7].

чего важно было обрисовать личность Чингис-хана, подчеркнув всю ее неоднозначность и противоречивость, а главное – показать эволюцию от простого воина Тэмуджина до великого полководца Чингис-хана.

По мнению исследователей, «Сокровенное сказание» написано не в исторической летописной манере, а как художественное произведение (Ц. Дамдинсурэн³), что явилось серьезным шагом в развитии литературы монголов XIII в. и свидетельством того, что литературная традиция существовала до его написания и не прерывалась в последующие периоды [7, с. 13, 29–46]⁴. ССМ как всякое значительное художественное произведение оставило заметный след в истории литературы монголов (см. о нем труды монгольского ученого-филолога Ш. Гаадамбы [10; 11]). ССМ является универсальным по своему синкретизму феноменом монгольской литературы, поэтому гармоничное сочетание поэзии и музыки, стихов и прозы, традиционно заложенное в основу всех средневековых монгольских художественных произведений, естественно, не могло не отразиться на его жанровом богатстве. В него вошли практически все характерные жанры монгольской поэзии средневекового периода: образцы шаманских обращений и молитв к Вечному Синему Небу, солнцу и горе (§ 103), стихотворения, произносимые при ритуалах освящения боевого девятибунчужного знамени (§ 106) и братания (§§ 96, 164), при отправке посла с официальным заявлением, так называемый жанр послания в стихах («dagu bariulux», дословный перевод которого означает «послать с песней в руке») (§ 105, 106, 177, 181, 199, 265), лирические стихотворения, включенные в посольские речи (§ 105, 200, 201), оды, восхваления (magtal) (§ 74, 75, 146, 208–214), благопожелания (eorol), поучения (surgal) (§ 174, 276, 277), проклятия (xaral) (§ 78), песни: сатирические (§ 174, 265), сватальные (§ 64), стихи-клятвы или присяжные (обетные) речи (§ 123, 124, 126, 137, 147, 164, 179 и др.), стихи увещательного характера (§ 245, 254), стихи-раскаяния (§ 111), элегии (§ 201, 272), сетования (§ 203), лирический гимн гвардии (§ 230), афористическая поэзия: двустишия и четверостишия, стихотворные отрывки из эпических произведений (§ 124, 139, 149, 170, 187–196, 199, 254, 260 и др.), стихи, написанные в эпическом стиле (§ 180, 195, 199 и др.).

Большое жанровое разнообразие ССМ отмечали все ученые, занимавшиеся его изучением. Фрагменты лирической и лиро-эпической поэзии под заглавием «Стихи» Рашид-ад-Дин (1247–1318) включил в свой

³ Дамдинсурэн Ц. Нууц товчоо бол уран зохиолын дурсгалт бичиг мөн [6, с. 57–61].

⁴ С. А. Козин в своем труде рассматривал «Юань чао би ши» в основном «как памятник художественной литературы», а не как «подлинный исторический документ» [7, с. 30], поэтому стиль его перевода был подвергнут критике историками-монголоведами Н. П. Шастиной и Н. Ц. Мункуевым. Их оценки практически совпадают. Н. П. Шастина определила перевод как «выполненный в стиле русской былины» [8, р. 14–15], а Н. Ц. Мункуев «как вольный стилизованный пересказ под русский фольклор» [9, с. 162].

исторический труд «Сборник летописей» (Джами ат-таварих)⁵. С. А. Козин в ССМ насчитал 122 стихотворения и отметил, что «если сопоставить это количество с общим числом звеньев (282)... то на каждые два звена или параграфа придется по одному стихотворению» [7, с. 33]. Далее он пишет: «Стихотворения распадаются на две группы, из коих одна, несомненно, представляет образцы монгольской литературной лирики, а другая, возможно, является результатом литературной обработки народной поэзии» [7, с. 34]. Эта же мысль была поддержана монгольскими учеными Ц. Дамдинсурэном [6, с. 59] и Ш. Гаадамба [10, с. 7]. Последний подчеркнул, что литературная лирика всеми своими художественными достоинствами обязана народной поэзии, ибо поэт при обработке следует традициям устного народного творчества и шаманской поэзии [10, с. 8].

С. Ю. Неклюдов, выделяя две формы бытования эпоса монгольских народов: «целиком ритмизованное повествование, исполняемое напевным речитативом, и смешанный прозапоэтический текст», – справедливо отмечает: «Лежащий в основе второй формы конструктивный принцип предполагает возможность сюжетно-жанрового синтеза, втягивание гетерогенных и гетероморфных образцов устного и литературного творчества, а именно таким и должен был быть путь сложения “Сокровенного сказания”, о чем говорит его синтетическая форма, в особенности обилие разножанровых стихотворных вставок» [12, с. 237]. Эти поэтические ритмизованные вставки (стихи) ученый рассматривает как «самую яркую композиционно-стилистическую черту ССМ» [12, с. 237]. Конкретный литературоведческий анализ лирических стихотворных жанров оды, гимнов, элегий, клятвы, посольских речей или посланий в стихах, вошедших в ССМ, был представлен в моей монографии в двух разделах: «Жанровое пространство раннемонгольской поэзии и ее ритуально-мифологическая первооснова» и «Средневековая поэзия и ее место в монгольской литературе (XIII–XVIII вв.)» [13, с. 89–99, 104–122].

По решению ЮНЕСКО в 1990 г. было широко отмечено 750-летие ССМ. В Резолюции ЮНЕСКО отмечается, что «по своим художественным, эстетическим и поэтическим достоинствам, богатству и оригинальности языка, это произведение является уникальным в истории монгольской литературы, представляя собой богатое сокровище мировой словесности и <...> служит важным источником по истории и культуре Монголии и других стран Центральной Азии» [14, с. 3].

⁵ В этом труде изложена, как известно, история монголов, выполненная по заказу ильханов Газана и Ульдзэту. Впервые данный труд был переведен с персидского на русский и издан с введением и примечаниями И. Н. Березиным в «Трудах Восточного отделения Российского археологического Общества» (ч. V, 1858) под названием «Сборник летописей. История монголов. Сочинение Рашид-Эд-дина». Новый перевод вышел почти век спустя в нескольких томах: Т. 3. Пер. с перс. А. К. Арендса. М.–Л.: Изд. АН СССР; 1946. 340 с.; Т. 1. Кн. 1. Пер. с перс. Л. А. Хетагурова. М.–Л.: Изд. АН СССР; 1952. 221 с.; Т. 1. Кн. 2. Пер. с перс. О. И. Смирновой. М.–Л.: Изд. АН СССР; 1952. 314 с.; Т. 2. Пер. с перс. Ю. П. Верховского. М.–Л.: Изд. АН СССР; 1952. 1960. 248 с.

В мировом монголоведении не прекращаются дискуссии, когда ССМ было транскрибировано китайскими иероглифами и переведено на китайский язык, поскольку до сих пор не найден оригинальный текст, написанный старомонгольским письмом. Доступна лишь транскрипция текста китайскими иероглифами, где дан подстрочный перевод каждого монгольского слова на китайский язык. Все произведение структурировано в виде параграфов, где изложено краткое содержание текста. В России о ССМ узнали после издания П. И. Кафаровым⁶ в 1866 г. русского перевода краткого текста «Юань-чао-ми-ши»⁷, написанного китайскими иероглифами и обнаруженного им в Пекинской императорской библиотеке. Кафаров опубликовал текст под названием «Старинное монгольское сказание о Чингис-хане» в «Трудах членов Российской духовной миссии в Пекине», снабдив обширным комментарием [16]. По существу, это был, как отметил Н. Н. Поппе, «сильно сокращенный перевод монгольского подлинника и, помимо этого, местами неточен» [7, с. 5].

Информированный о том, что представляет собой полный монгольский текст рукописи «Юань-чао-ми-ши», архимандрит Палладий Кафаров, возглавлявший в то время Российскую духовную миссию в Пекине, продолжил свои поиски, которые увенчались успехом в 1872 г. Обнаруженный им полный текст, переложенный китайскими иероглифами, он перетранскрибировал русскими буквами и сделал подстрочный перевод каждого китайского слова, передававший соответствующее значение монгольского слова⁸. А саму рукопись «Юань-чао-ми-ши» Кафаров в 1878 г. в Пекине передал монголоведу А. М. Позднееву, и теперь она хранится в научной библиотеке Санкт-Петербургского государственного университета⁹.

Вслед за Кафаровым изучением памятника занимался А. М. Позднеев, который издал о нем две работы с целью восстановить его первоначальный монгольский текст: «О древнем китайско-монгольском историческом памятнике “Юань-чао-ми-ши”» [17] и «Транскрипция палеографического текста “Юань-чао-би-ши”» [18]. Позднеев в своих работах дал

⁶ Кафаров Петр Иванович (в монашестве – Палладий, 1817–1878) – участник XII (1840–1849), начал XIII (1849–1859) и XV (1865–1878) Российских духовных миссий в Пекине, один из крупнейших российских и мировых востоковедов XIX в. (см. о нем: [15]).

⁷ По некоторым данным, считается, что текст ССМ был обнаружен в Китае в 1382 г., и тогда же монгольские слова были переведены на китайские. Китайский ученый Вань Гуаньдай составил сокращенный вариант ССМ в 1748 г., именно этот текст был переведен Кафаровым на русский язык и издан. Об этом писал Н. Н. Поппе в предисловии к изданию ССМ С. А. Козина [7, с. 4–5].

⁸ Этот труд Кафарова ныне хранится в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург: Разр. I. Оп. 3. Ед. хр. 2.

⁹ Рукопись в пятнадцати главах (*цзюанях*) издана в серии «Памятники литературы народов Востока» Б. И. Панкратовым, который осуществил подготовку текста и написал предисловие [4].

общую характеристику рукописи, рассмотрел транскрипцию, подстрочник, перевод и определил ее значение как «наилучший образец для изучения истории, этнографии монголов XIII в.», придав при этом особое значение «языку и письменности памятника» [17, с. 2, 3].

Высоко оценивая значимость ССМ для гуманитарной науки, исследованием его занимался крупнейший русский востоковед В. В. Бартольд. При написании фундаментального труда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» (1900) он дал направление изучению данного памятника, особо выделяя его образную, художественную составляющую. Касаясь вопроса жанровой принадлежности ССМ, В. В. Бартольд прибегал к определению «богатырский эпос», «сказание» [19, с. 91]. Признанный глава российского монголоведения начала XX в. академик Б. Я. Владимирцов в монографии «Общественный строй монголов» (1934) отмечал, что ССМ послужило для него одним из важнейших источников при определении родового строя древнемонгольского общества и выявления феодальных взаимоотношений в средневековый период [20]. Первоначальное увлечение ССМ подтолкнуло Б. Я. Владимирцова к написанию книги «Чингис-хан», которую он издал в 1922 г. [21].

Поскольку российское востоковедение в XIX и начале XX в. являлось комплексной наукой, процесс исследования и его организация имели свою специфику. Востоковед-монголовед, как отмечалось выше, был ориентирован на постижение изучаемой культуры целостно, включая язык, историю, литературу, искусство, религию, этнографию, философию, общественную мысль. Именно такой целостный подход мог оправдать герменевтические ожидания переводчика-исследователя. Если говорить о различии между монгольским (через посредство китайского, как в случае с ССМ) и русским языками в плане перевода текста с первого языка на второй, то могут проявиться расхождения между субстанциональным и процессуальным видением мира, т. е. между исходным и результирующим текстом имеются логико-смысловые несовпадения. Поэтому при переводе, как правило, осуществляется логико-смысловая трансформация, что прослеживается на примере восприятия, перевода, интерпретации ССМ С. А. Козиним.

Перевод и интерпретация «Сокровенного сказания» С. А. Козиним

Выход в свет фундаментального труда С. А. Козина «Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г.» (1941) стал событием в мировом монголоведении¹⁰, ибо он, по существу, явился первой серьезной работой

¹⁰ Следует отметить, что еще в 1937–1939 гг. Э. Хёниш издал текст этого памятника, а в 1941 г. вышел его немецкий перевод: Monghol un Niuca Tobca'an. Die geheime Geschichte der Mongolen, T. 1–2. Lpz., 1937–39; Die geheime Geschichte der Mongolen. Aus einer mongolischen Niederschrift des Jahres 1240 von der Insel Kode'e im Kerulen – Fluss. Lpz., 1941.

о ранней истории и литературе монголов¹¹. Труд акад. Козина позволил прочесть памятник более детально и активизировать поиск новых подходов и методов к его изучению и в целом вывести российское монголоведение на новый исследовательский уровень.

В Предисловии к этому изданию чл.-корр. АН СССР Н. Н. Поппе писал: «Нужно отдать справедливость: издание полного текста, перевода и исследования “Сокровенного сказания” – труд, требующий огромного напряжения, а главное чрезвычайно широких познаний в области и китайского, и монгольского языков, знания истории и высокой литературоведческой квалификации». Далее он продолжил: «Мы можем с чувством глубокого удовлетворения отметить, что выполнение этой большой и трудной задачи блестяще удалось нашему коллеге С.А. Козину» [7, с. 5–6].

С. А. Козин реконструировал полный текст памятника на языке оригинала, основываясь на ряде текстов и комментарий, в частности на китайской транскрипции Палладия Кафарова, на изданном полном тексте, подготовленном Е Дэхой (1908), на монгольской летописи «Алтан тобчи» («*Altan tobči nova*»)¹² Лубсан Данзана (XVII в.)¹³. Дополнительно он привлек литографическое издание с комментариями Ли Вэнь-тяня (1903); рукопись текста, с которой был выполнен японский перевод Нака (1907); печатное издание Гуань гутан с предисловием Е Дэхой (1908). Кроме того, в его распоряжении были три пекинские и одна шанхайская рукописи ССМ и один ее фрагмент (35 л.); список, принадлежащий французскому акад. Полю Пеллию (Paul Pelliot); транскрипция по Е Дэхойю, выполненная немецким проф. Е. Хаенисх (1936), и др. [7, с. 10]. Затем С. А. Козин выполнил полный перевод памятника на русский язык с восстановлением стихотворных частей, приложив к нему перевод монголо-китайского словаря, предложенного Кафаровым, с исправлениями и дополнениями. А также дал комментарий и анализ ССМ с филологической, литературоведческой и исторической точек зрения в их сопоставлении с параллельными текстами из «Алтан тобчи» Лубсан Данзана¹⁴.

¹¹ Изучением истории исследований ССМ, а также основных китайских источников по истории Монголии и Китая XIII–XIV вв. занимался советский синолог и монголовед Н. Ц. Мункуев. Он рассматривал «“Монгол-ун игуча тобчийн” (Тайная история монголов) как важнейший источник по ранней истории и культуре монголов» [9, с. 149].

¹² Название “*Altan tobči nova*” с буквой “*н*” в современной монголистике не употребляется. Подобное написание было принято до второй половины XX в., поэтому С. А. Козин в своем труде использует именно его [7, с. 9–78].

¹³ Козин пишет, что «текст летописи Лубсан Данзана (“*Altan tobči nova*”) полностью воспроизводит §§ 1–176 и 208–265 из общего числа 282 параграфов памятника» (ССМ. – Е. Б.) [7, с. 10]. Далее он делает вывод о том, что «в параллельных частях предпринята попытка монгольских ученых восстановить ту же китайскую транскрипцию памятника монголо-уйгурскими знаками, и, что настоятельно требуется объединение работы китайцев и монголистов в известной мере уже осуществлено стихийно» [7, с. 11].

¹⁴ Известны три монгольские летописи под названием «Алтан тобчи»: «Алтан тобчи» анонимного автора (XVII в.), «Алтан тобчи» Лубсан Данзана (XVII в.), «Алтан тобчи» Мэргэн-гэгэна (XVIII в.). Во всех трех летописях данное название является сокращенным (кратким), которое Л. С. Пучковский именует «обиходным» [22, с. 19].

Отдавая должное огромной работе, которую проделал С. А. Козин, следует обратить внимание на высказывание Ю. Л. Кроля: «Перевод монгольского текста «Юань чао би ши», выполненный Б. И. Панкратовым в 1920-х гг., был вторым в мире после комментированного перевода Нака Матиё (1907) и первым в Европе» [23, с. 106].

Вопросы о принципах научного перевода ССМ обсуждались не раз на заседаниях Монгольского кабинета Института востоковедения. Так, в резолюции «производственного совещания» от 29 сентября 1936 г. говорится, что «перевод должен быть точным “литературно-филологическим”, свободным от художественных вольностей» [23, с. 106–107]. Б. И. Панкратов на одном из заседаний (1941) подчеркивал, как отмечал Ю. Л. Кроль, ссылаясь на Архив востоковедов ЛО ИВАН, «наука требует от переводчика наивысшей точности, строгой аккуратности и комплексного характера его деятельности» [23, с. 107]. Комплексный характер деятельности переводчика Б. И. Панкратов видел в следующем: «Ни монголист не в состоянии дать “научно-правильный” перевод “Юань чао би ши”, пользуясь средствами только монголоведения, ни китаист не может сделать это средствами одного китаеведения. Такая работа может быть только при тесном сотрудничестве монголистов с китаистами» [23, с. 107].

Вопросы истории текста «Сокровенного сказания монголов»

Сложными и до конца не решенными вопросами являются: проблема определения жанра ССМ; вопрос об авторстве; точной дате и времени написания памятника, а также с какой системы монгольского письма была осуществлена транскрипция китайскими знаками. Хотя в научной литературе составление ССМ чаще всего датируется, следуя предложению Кафарова, 1240 годом (см. предисловие к труду Палладия [16, с. 16–17]), все же к данному вопросу обращались многие ученые, предлагая свои точки зрения¹⁵. Изучение китайских и монгольских источников, их сопоставительный анализ приводит С. А. Козина к выводу, что «год мыши», названный в колофоне, указывает на 1240 г. и относится только к китайской транскрипции, а не к старомонгольскому тексту. Свое заключение он выводит из того, что, во-первых, в подстрочном монголо-китайском словаре отсутствуют многие слова, ставшие архаизмами, которые были не понятны для составителей словаря и интерпретаторов текста. Поэтому он исключил одновременное составление транскрипции текста и словаря к нему в 1240 г. Во-вторых, он обратил внимание на то, что сокращенный китайский перевод-пересказ во многих случаях уклоняется

¹⁵ Интересны исследования по этому и другим дискуссионным вопросам ССМ зарубежных ученых, однако задачи данной статьи и ее объем не позволяют здесь обратиться к этой довольно серьезной теме. Статьи по изучению ССМ в МНР, Китае, а также на Западе можно найти в сборнике статей, приуроченном к 750-летию этого памятника (1993) [24, с. 40–102].

от комментирования неясных мест, а в некоторых местах, как считает Козин, текст намеренно сокращается за счет исключения стихотворных фрагментов [5, с. 17]. С ним полемизировал Б. И. Панкратов¹⁶, который считал время написания ССМ неустановленным, ссылаясь на то, что в исторических источниках отсутствует упоминание о курултае 1240 г. и что в тексте ССМ упоминаются географические названия, не существовавшие в то время. Он также полагал, что «китайская транскрипция была выполнена на основе более раннего текста, написанного уйгурским письмом... но потом переписана национальным монгольским алфавитом, т. е. квадратным» [23, с. 108].

Если брать в расчет, что Палладием Кафаровым было доказано, что словарь и перевод были выполнены в Китае примерно 150 лет спустя со времени написания, т. е. в пределах 1382–1388 гг., то возникает вопрос, с какой системы монгольского письма была выполнена транскрипция на китайском языке: с первоначального уйгурского письма, с «квадратного» или с китайского-монгольского письма?¹⁷

Козин ответил на этот вопрос, опираясь, как он сам пишет во «Введении в изучение памятника», «на косвенные показания, добытые из самого памятника и не подкрепленные прямыми и определенными историческими свидетельствами», и отдал предпочтение третьей версии, сочтя, что в таком случае «все факты становятся на свои места» [7, с. 18]. Однако надо признать, не все так просто. Обращение Козина к найденному тексту монгольской летописи «Алтан тобчи» (“*Altan tobči nova*”), проведенный им сопоставительный анализ двух памятников позволил ему в итоге прийти к двум заключениям, которые различались по степени достоверности. В отношении текста «Алтан тобчи» (“*Altan tobči nova*”) Козин сделал вывод, что он представляет собой попытку монгольского автора XVII в. восстановить уйгуро-монгольский текст памятника по его китайской транскрипции, проиллюстрировав примерами из памятников.

¹⁶ Б. И. Панкратов (1892–1979) – известный востоковед, синолог, монголист, один из исследователей «Юань-чао-ми-ши», изучением которого занимался с 1920-х гг. По свидетельству Ю. Л. Кроля, «Б. Панкратов, находясь в Пекине, вчерне подготовил работу “Юань-чао-ми-ши” (Сокровенное сказание). Реконструкция монгольского текста по китайской транскрипции. Перевод на русский язык, примечания и словарь. Около 40 п. л.». Кроль сообщает, что «текст перевода памятника не сохранился. Б. Панкратов рассказывал мне, что этот перевод пропал во время войны вместе с частью словаря» [23, с. 103–104].

¹⁷ Известный немецкий монголовед Б. Лауфер в книге «Очерк монгольской литературы» пишет: «Монголы в течение одного столетия употребляли три системы письма: уйгурское письмо, приблизительно, с 1204 по 1278 г., так называемое квадратное письмо с 1269 по 1368 г. и собственно монгольское письмо, созданное с 1307 по 1311 г. При сношении с династией Цзинь в Китае пользовались китайскими иероглифами. Точная дата введения китайского письма не может быть точно установлена, в общем можно принимать для этого время от 1210 до 1220 г.» [25, с. 19]. С. А. Козин, ссылаясь на труд Лауфера, выделяет «китайско-монгольское письмо (1210–1223 гг.)» и, в частности, отмечает, что «эдикт Чингис-хана написан этим письмом 11 апреля 1223 г.» [7, с. 14].

О том, насколько данная проблема была актуальной и серьезно волновала российских монголоведов и китаистов, свидетельствует рецензия под названием «“Юань-чао-ми-ши” и первое полное русское издание текста и перевода этого памятника» (1941), написанная Б. И. Панкратовым. Она была озвучена на совместном заседании Монгольского и Китайского кабинетов Института востоковедения в Ленинграде. Касаясь этого вопроса, Ю. Л. Кроль писал, что Б. И. Панкратов «впервые подробно изложил эту историю» и «показал, что монгольский текст памятника записан не с помощью “китайско-монгольского письма”, якобы являвшегося “национальным письмом монголов” в начале XIII в., а с помощью особой системы транскрипции слов монгольского языка китайскими иероглифами» [23, с. 104]. По предположению Б. И. Панкратова, она была разработана образованным монголом Хо Юаньцзе в конце XIV в., состоявшим на императорской службе. В конце 1950-х гг. Б. И. Панкратов, работая над новой транскрипцией и переводом монгольского текста «Юань-чао-ми-ши», выдвинул тезис, что «оригиналом для Хо Юаньцзе послужил текст, написанный квадратным письмом» и что он «не транслитерировал монгольский текст, а транскрибировал, т. е. писал каждое слово так, как он сам, читая, произносил по-монгольски». Именно этим он объяснял «некоторое несоответствие транскрипции Хо Юань-цзе с написанием слов квадратным алфавитом» [23, с. 108].

О проблеме авторства «Сокровенного сказания монголов»

Дискуссионным является также вопрос об авторстве ССМ. Активно обсуждалось, является ли автором этого историко-литературного памятника один человек или это результат коллективного труда. Кафаров полагал, что «Юань-чао-би-ши» основан на устных преданиях, и потому, соответственно, авторство коллективное. Б. Я. Владимирцов также считал ССМ творением коллективным и приписывал авторство степной аристократии. Козин предположил, что автором был 65-летний Коко-Цос, один из соратников Чингис-хана. Он, как очевидец и участник событий, широко использовал, как считает Козин, «свои собственные воспоминания, местные и общегосударственные летописные своды, документы, подлинные указы и распоряжения, показания самовидцев и прочие многочисленные источники, а также недоступные простому запоминанию акты, каким является, например, акт о назначении 95 тысячников, с точным перечислением их имен и происхождения; достаточно точный и обширный перечень географических названий по Средней Азии, Южной Руси и т. п.» [7, с. 35–36].

Многие поэтические строки в тексте ССМ в переводе Козина вкладываются в уста «мудреца Коко-Цос», и переводчик считает, что стихи «носят все признаки индивидуального литературного творчества определенного дарования и вкуса» и что все их объединяет «одна общая разительная

черта: все они, как будто бы, прошли единую цензуру отбора и оценки» [7, с. 35]. Однако сам С. А. Козин через пять лет после выхода в свет ССМ (1941) в другой работе упоминает о декрете Угэдэя-хана об учреждении в Хархоруме¹⁸ Историографической комиссии (1236). Итогом работы он считал «редактированный на Керуленском сейме в 1240 г. летописно-эпический свод о деяниях покойного Чингиса, называемый теперь “Сокровенным сказанием”» [26, с. 37], т. е. получается, что он признал коллективное авторство данного памятника¹⁹.

Л. Н. Гумилев, определяя основную идею ССМ как «протест против официальной традиции, идеализировавшей личность Чингис-хана», выдвинул предположение, что это «творение единоличного автора» и что им является один из нойонов-предводителей из ставки Борте (жены Чингис-хана) и ее младшего сына – Темуге-отчигина по имени Хоргасун²⁰, представлявший «крыло старомонгольской партии» [29, с. 178–196].

Филолог Л. Д. Шагдаров, исследовав язык ССМ, отметил, что его синтаксис очень простой и ясный по сравнению с произведениями последующих эпох, и в нем отчетливо разграничены речь автора-повествователя и речь героев-персонажей. Далее Шагдаров, обратив внимание на лаконичное, сухое, выдержанное в нейтральном стиле авторское изложение, отметил, что оно часто прерывается образными, живыми эпизодами и сценками из жизни героев. В итоге он пришел к выводу, что ССМ было написано одним автором или же весь текст был, возможно, отредактирован одним человеком. Представляется также важным согласие языковеда Шагдарова с мнением проф. П. Б. Коновалова о том, что «памятник написан на древнем языке, который понятен ныне и бурятам, и калмыкам, и баргутам, и монголам» [30, с. 102]²¹.

¹⁸ Хархорум (Каракорум) – столица Монгольской империи в XIII в.

¹⁹ Монгольский ученый, акад. Ш. Бира в монографии «Монгольская историография (XIII–XVII вв.)» [27, с. 39–41], ссылаясь на колофон памятника, считает, что ССМ было записано / отредактировано коллегиально на Их-курултае в 1240 г. в местности Худэ-гэ (Кодэ)-арал на р. Керулен, возможно, специально для этого созданном. Известно, что именно в этой местности Чингис-хан был избран и возведен на хаганский престол (1206), а после – его сын Угэдэй (1229).

²⁰ Монгольский исследователь Ш. Гаадамба, специализировавшийся на изучении ССМ с 1960-х гг., в своих работах 1988–1989 гг. [28, а также статьи, изданные в Монголии и Внутренней Монголии] назвал Хоргасуна автором ССМ.

²¹ ССМ считается наименее изученным с точки зрения лингвистики, хотя отдельным аспектам и грамматическим категориям языка памятника посвящены статьи Г. Д. Санжева, С. А. Козина, М. Н. Орловской, Е. А. Кузьменкова и др. Из молодых языковедов назовем Ю. Д. Бадмаеву, ею издана монография «Грамматические категории языка ССМ (в сопоставлении с бурятским языком)» (Улан-Удэ, 2003). Языковеды (В. И. Рассадин, Л. Д. Шагдаров, Ц. Б. Будаев, Л. Б. Бадмаева, Ю. Д. Бадмаева), проводя сравнительно-исторические исследования бурятских диалектов в контексте языка ССМ, приходят к утверждению того, что в бурятском языке и в его диалектах сохранена архаическая лексика, а также некоторые грамматические категории языка монголов XIII в.

Подытоживая раздел о ССМ как о памятнике монгольской художественной литературы, С. А. Козин отметил, что «со стороны языка памятник отличается такой яркостью, полнотой форм и изяществом, которые предполагают уже установившуюся традицию. Трудно поэтому рассматривать его как первобытное творение только еще начинающей складываться литературы» [7, с. 46].

Об определении жанра «Сокровенного сказания монголов»

Наиболее сложным и наименее исследованным является вопрос об определении жанра ССМ, хотя ни один из исследователей не обошел стороной данную проблему. Причина этого парадокса кроется, безусловно, в самой ткани текста. Дело в том, что все известные к началу XIII в. жанры – фольклорные (мифы, легенды, предания и др.), литературные, исторические, документальные, вплоть до воспоминаний современников – нашли свое место в этом произведении, чтобы с эпическим размахом показать историю, культуру, мировидение монгольских племен, объединившихся под единым знаменем Чингис-хана, а также эволюцию его личности от легендарного героя и воина до политика и государственного деятеля.

Жанровая принадлежность ССМ характеризуется разнообразием в зависимости от того, какой из граней отдает свое предпочтение автор, исследующий это историко-литературное произведение. На заре изучения памятника ученые особенно часто определяли его как сказание (П. Кафаров, В. В. Бартольд), летопись (И. Н. Березин, Ц. Жамцарано), эпическая хроника (Б. Я. Владимирцов), богатырский эпос и поэма (В. В. Бартольд), героический эпос, эпопея – история степной аристократии (Н. Н. Поппе), неофициальный исторический сборник, свод, эпическая поэма (С. А. Козин); во второй половине XX в. – как разновидность героического эпоса, эпическая биография, хронографическое описание с погодной или событийной регистрацией (С. Ю. Неклюдов), памфлет, изложение политической программы автора (Л. Н. Гумилев).

Жанр ССМ, определяемый монгольским термином *tobčiyān*, восходит к слову *tobčī*, которое употребляется в ряде названий некоторых поздних монгольских летописей и хроник как составная часть. Монгольское слово *tobčī* в первом своем значении означает «пуговица», а во втором – краткое изложение сути исследуемой темы. Как «пуговица собирает и стягивает что-либо разошедшееся, распахнувшееся» [7, с. 30], так и термин *tobčiyān*, используемый в названии текста, указывает на определенный жанр, который стремится изложить сущностное ядро излагаемой темы ясно и кратко. Конечно, смущает слово *niyuča*, т. е. тайный. С. А. Козин, исследуя ССМ как памятник художественной литературы, задавался этим вопросом, но очень поспешно и прямолинейно отметил, что «ни о каких тайнах, сокровенных заветных преданиях или наказах и ни о чем подобном в самом памятнике нет речи». Далее Козин, ссылаясь на авторитетное

мнение синоведа академика В. М. Алексеева, предлагает понимать жанровое обозначение *niyuča tobčiyān* «в одном из тех значений, какие могут быть даны соответственным словам китайского перевода – “*ni shi*”, т. е. “неофициальная история”, “неофициальный исторический сборник”» [7, с. 30]. Думается, что если автор или коллектив авторов специально собирались на Их-курултай (Большой съезд), чтобы обсудить концепцию произведения, его идейную направленность и прочее, то название произведения, возможно, родилось именно тогда. Разгадка, безусловно, кроется в оригинальном тексте произведения, который до сих пор не найден. И, конечно, искать скрытый смысл, заложенный изначально автором или авторами произведения, в тексте китайской транскрипции (хотя и дополненной впоследствии при переводах), возможно, излишне. Поскольку «рукописи не горят», теплится еще надежда, что когда-нибудь эта «тайна» будет разгадана и раскрыта.

Сложность определения категории жанра ССМ можно объяснить и тем, что данное произведение, во-первых, носило синкретичный характер, а во-вторых, было написано в переходный, от устной поэзии к литературной, период, когда многие черты фольклорной и мифо-ритуальной поэтики еще не были утрачены. Они, как правило, видоизменялись, образуя фундамент литературной традиции и определяя параметры и способы выражения, присущие эстетическим категориям. Конечно, ими же определены многие поэтические константы, являющиеся наиболее специфичными для раннего периода монгольской литературы. Поскольку жанры относятся к подвижной части категории поэтики, их состав в раннемонгольской литературе, в частности, в таком универсальном, «комплексном» произведении как ССМ, можно определить, лишь выделяя наиболее характерные и ментально присущие монгольскому народу. Словесное и действенное в мировоззрении того времени еще слиты в нерасчлененное целое, в силу чего проблема жанра пока пребывает в зачаточном состоянии. Со временем комплексность представлений, видоизменяя свои функции, расширяясь и обогащаясь, оформляется в различные жанры. Это время приходится на стык двух эпох – родового и феодального строя, когда происходит своего рода переворот в сознании – начинает отступать целостность, синкретичность, комплексность представлений, давая возможность проявиться разнообразным жанровым факторам. Именно в такое переходное, переломное время было создано «Сокровенное сказание монголов», что и наложило отпечаток на его жанровую неоднозначность и сложность.

Заключение

Итак, именно в эпоху раннего феодализма, отличающуюся сложной политической ситуацией и характеризующуюся так называемой пассионарностью (Л. Н. Гумилев), монгольская художественная словесность

дала свой лучший образец под названием «Сокровенное сказание монголов» – основополагающий историко-литературный памятник центральноазиатского средневековья, вобравший традиции более древнего периода, а также свидетельствующий о возникновении и утверждении письменных литературных традиций, сложении определенных форм и концепций поэтики. Это произведение, как мы убедились, сложное с точки зрения как жанровой природы текста, так и литературной традиции, в которую оно вписывается. Отличительной его особенностью является сочетание исторического и художественного, прозаического и поэтического, документального и вымышленного, реального и мифологического, которое наложило на все произведение отпечаток самобытности и неповторимости.

С. А. Козин особо выделял литературную доминанту этого произведения, в которое, как он пишет, «искусно вплетено множество сцен, с художественным драматизмом передающих выдающиеся события изображаемой эпохи, <...> так и портреты героев, которые своим чувством меры и удивительной яркостью обнаруживают гениальную руку художника» [7, с. 36]. В предисловии к своему труду он признается, что «предполагал вначале ограничиться исследованием многочисленных стихотворных частей памятника»²² и что его интересы «и в настоящее время лежат, главным образом, в области чисто литературоведческой» [7, с. 11].

Главное в этом произведении то, что оно представляет художественное творчество, не затронутое влиянием ни буддизма, ни других идеологических систем и литературных традиций. Художественно-эстетический канон монгольской литературы в наиболее полном и завершенном виде оформился в раннее средневековье, сыграв ключевую роль в истории монгольской цивилизации. Серьезная работа, проделанная академиком С. А. Козиним по реконструкции, восстановлению полного текста на монгольском языке и переводу его на русский язык, показывает, какой серьезной трансформации подвергся первоначальный текст. Издание труда С. А. Козина, несомненно, положило начало академическому изучению «Сокровенного сказания монголов», оказав огромное влияние на развитие монголоведения не только в России, но и за рубежом.

Литература

1. Смирнов А. В. *Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл*. М.: Языки славянской культуры; 2015. 712 с. (Studia philosophica).
2. Эко У. *Открытое произведение*. Пер. с итал. А. Шурбелева. СПб.: Симпозиум; 2006. 412 с.

²² Китайским переводчиком, и соответственно П. Кафаровым, поэтические вставки были полностью исключены из текста и до выхода труда С. А. Козина в российском монголоведении они были неизвестны.

3. Коновалов П. Б., Данилов С. В., Именохоев Н. В. Археологические материалы как источники по истории ранних монголов. *История и культура монголоязычных народов: источники и традиции*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО АН СССР; 1989. С. 34–37.

4. Панкратов Б. И. Предисловие. *Юань чао би ши [Текст]: Секретная история монголов: 15 цзюаней*. Изд. текста и предисл. Б. И. Панкратова. Т. 1. М.: Восточная литература; 1962. С. 5–18. (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия... / АН СССР. Ин-т народов Азии).

5. Яхонтова Н. С. История изучения «Юань-чао би-ши» в России и СССР. *Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания»*. М.: Наука; Восточная литература; 1993. С. 7–39.

6. Дамдинсурэн Ц. Монголын уран зохиолын тойм. XIII–XVI зууны үе. Нэгдүгээр дэвтэр. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар; 1957. 158 с. (На монг. яз.)

7. [Козин С. А.] *Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Юань чао би ши. Монгольский обывденный сборник*. Введение в изучение памятника, пер., тексты, глоссарии С. А. Козина. М.–Л.: Изд. АН СССР; 1941. Т. 1. 620 с.

8. Shastina N. *Mongolic Studies. Fifty Years of Soviet Oriental Studies: Brief Reviews*. Moscow: Nauka; Central dep. of oriental literature; 1967. 45 с.

9. Мункуев Н. Ц. *Китайский источник о первых монгольских ханах: Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая. Перевод и исследование*. М.: Наука; 1965. 224 с.

10. Гаадамба Ш. «Сокровенное сказание монголов» как памятник художественной литературы. Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. Ин-т народов Азии АН СССР. М.: [б. и.]; 1961. 12 с.

11. Гаадамба Ш. «Сокровенное сказание монголов» как памятник художественной литературы XIII в. *Монгольская литература: очерки по истории XIII – I пол. XX в.* М.: ИВ РАН; 1997. С.18–44.

12. Неклюдов С. Ю. *Героический эпос монгольских народов: устные и литературные традиции*. М.: Наука; 1984. 309 с.

13. Балданмаксарова Е. Е. *Бурятская поэзия XX века: истоки, поэтика жанров*. М.: МГУ; 2002. 365 с.

14. Бира Ш. «Сокровенное сказание монголов» – великий исторический и письменный памятник. Доклад, прочитанный на юбилейном заседании, посвященном 750-летию «Сокровенного сказания монголов». Улаанбаатар: [б. и.]; 1990. 20 с.

15. Куликов А. М. *Человек из палладия: жизнь, научная, миссионерская и дипломатическая деятельность П. И. (Палладия) Кафарова*. М.: ИВ РАН; 2020. 484 с.

16. Палладий. Старинное монгольское сказание о Чингис-хане. *Труды членов Российской духовной миссии в Пекине*. Т. IV. СПб.: Тип. В. Безобразов и К^о; 1866. С. 5–258.

17. Позднеев А. М. *О древнем китайско-монгольском историческом памятнике «Юань-чао-ми-ши»*. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук; 1884. 22 с., 1 л. ил.

18. Позднеев А. М. *Транскрипция палеографического текста «Юань-чао-би-ши»*. СПб.: [б. и.]; [б. г.].

19. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. В: Бартольд В. В. *Сочинения*. Т. 1. М.: Восточная литература; 1963. 574 с.

20. Владимирцов Б. Я. *Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм*. Л.: Изд-во АН СССР; 1934. XII+224 с.

21. Владимирцов Б. Я. *Чингис-хан*. Берлин – Петербург – Москва: Изд-во З. И. Гржебина; 1922. 176 с.
22. Пучковский Л. С. Собрание монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения АН СССР. *Ученые записки Института востоковедения*. Т. IX. М.: Изд. АН СССР; 1954. С. 90–127.
23. Панкратов Б. И. Образцы переводов из «Юань-чао-би-ши» (подготовка к печати и предисловие Ю. Л. Кроля). *Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания»*. М.: Наука; Восточная литература; 1993. С. 103–125.
24. *Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания»*. М.: Наука; Восточная литература; 1993. 343 с.
25. Лауфер Б. *Очерк монгольской литературы*. Пер. В. А. Казакевича; под ред. и с предисл. Б. Я. Владимирцова. Л.: Ленинградск. восточный ин-т; 1927. 95 с.
26. Козин С.А. Эпос монгольских народов и виды их письменности. *Вестник Ленинградского университета*. 1946;(3):32–43.
27. Бира Ш. Монгольская историография (XIII–XVII вв.). М.: Восточная литература; 1978. 322 с.
28. Гаадамба Ш. Над строкой «Сокровенного сказания». *Альманах библиофила: Книга Монголии*. Вып. 24. М.: Книга; 1988. С. 153–159.
29. Гумилев Л. Н. В поисках вымышленного царства. М.: Товарищество Клышников, Комаров и К совместно с изд-вом «Лорис»; 1992. 319 с.
30. Шагдаров Л. Д. «Сокровенное сказание монголов» – общемонгольский литературный памятник. *«Тайная история монголов»: источниковедение, история, филология*. Новосибирск: Наука; Сибирская издательская фирма РАН; 1995. С. 99–108.

References

1. Smirnov A. V. *Consciousness. Logics. Language, Culture. Meaning*. Moscow: Languages of Slavic culture; 2015. 712 p. (Studia philosophica). (In Russ.)
2. Eco W. *Open work*. Transl. with ital. A. Shurbeleva. St. Petersburg: Symposium; 2006. 412 p. (In Russ.)
3. Kononov P. B., Danilov S. V., Imenokhiev N. V. Archaeological materials as sources for the history of the early Mongols. *History and culture of the Mongol-speaking peoples: sources and traditions*. Ulan-Ude: Publishing house of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Academy of Sciences; 1989, pp. 34–37. (In Russ.)
4. Pankratov B. I. Foreword. In: Pankratov B. I. (text and foreword ed.) *Yuan chao bi shi: The Secret History of the Mongols*. Vol. 1. Moscow: Vostochnaya literatura, 1962. (In Russ.)
5. Yakhontova N. S. History of the study of “Yuan-chao bi-shi” in Russia and the USSR. *Mongolica: To the 750th anniversary of the “Secret History”*. Moscow: Vostochnaya literatura; 1993, pp. 7–39. (In Russ.)
6. Damdinsuren Ts. Mongolyn uranium zokhiolyn toym. XIII–XVI zuuns ye. Ulaanbaatar: Ulsyn hevlelyin gazar; 1957. 158 p. (In Mong.)
7. Kozin S. A. (introd., trans., texts, glossaries) *Secret History. Mongolian Chronicle 1240 Yuan chao bi shi. Mongolian ordinary Izbornik*. Moscow–Leningrad: Publisher of the USSR Academy of Sciences; 1941. Vol. 1. 620 p. (In Russ.)
8. Shastina N. *Mongolic Studies. Fifty Years of Soviet Oriental Studies: Brief Reviews*. Moscow: Nauka; Central dep. of oriental literature; 1967. 45 p.

9. Munkuev N. Ts. *Chinese source about the first Mongol khans: Gravestone inscription on the grave of Yelyui Chu-tsai. Translation and research*. Moscow: Nauka; 1965. 224 p.

10. Gaadamba Sh. *“The Secret History of the Mongols” as a monument of fiction*. Abstract of dissertation for Ph. D. (philol.). Moscow: Institute of the Peoples of Asia of AS USSR; 1961. 12 p. (In Russ.)

11. Gaadamba Sh. *“The Secret History of the Mongols” as a monument of fiction. Mongolian literature: essays on the history of the XIII – the first half of XXth century*. Moscow: Institute of Oriental Studies of RAN; 1997, pp. 18–44.

12. Neklyudov S. Yu. *The heroic epic of the Mongolian Peoples: oral and literary traditions*. Moscow: Nauka; 1984. 309 p. (In Russ.)

13. Baldanmaksarova E. E. *Buryat poetry of the XXth century: origins, poetics of genres*. Moscow: Moscow State University; 2002. 365 p. (In Russ.)

14. Bira Sh. *“The Secret History of the Mongols” – a great historical and written monument*. Report read at the jubilee meeting dedicated to the 750th anniversary of the “Secret History of the Mongols”. Ulaanbaatar: [w. p.]; 1990. 20 p. (In Russ.)

15. Kulikov A. M. *A man made of palladius: life, scientific, missionary and diplomatic activities of P. I. (Palladios) Kafarov*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS; 2020. 484 p.

16. Palladios. An ancient Mongolian legend about Genghis Khan. *Works of members of the Russian Spiritual Mission in Beijing*. Vol. IV. St. Petersburg: Typography V. Bezobrazov & Co.; 1866, pp. 5–258 (In Russ.)

17. Pozdneev A. M. About the ancient Chinese-Mongolian historical monument “Yuan-chao-mi-shi”. St. Petersburg: Typography of the Imp. Academy of sciences; 1884. 22 p., il. (In Russ.)

18. Pozdneev A. M. *Transcription of the paleographic text “Yuan-chao-bi-shee”*. St. Petersburg: [w. p.]; [w. y.]. (In Russ.)

19. Bartold V. V. Turkestan in the era of the Mongol invasion. In: Bartold V. V. *Works*. Vol. 1. Moscow: Vostochnaya literatura; 1963. 574 p. (In Russ.)

20. Vladimirtsov B. Ya. *The social system of the Mongols*. Leningrad: Academy of sciences; 1934. (In Russ.)

21. Vladimirtsov B. Ya. Genghis Khan. Berlin–Petersburg–Moscow: Publishing house of Z. I. Grzhebin; 1922. 176 p. (In Russ.)

22. Puchkovsky L. S. Collection of Mongolian manuscripts and woodcuts of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR. *Scientific Notes of the Institute of Oriental Studies*. Vol. IX. Moscow: Publisher of the USSR Academy of Sciences; 1954. (In Russ.)

23. Pankratov B. I. Samples of translations from “Yuan-chao-bi-shee” (preparation for publication and preface by Yu. L. Krol). *Mongolica: To the 750th anniversary of the “Secret History”*. Moscow: Vostochnaya literatura; 1993, pp. 103–125. (In Russ.)

24. *Mongolica: To the 750th anniversary of the “Secret History”*. Moscow: Vostochnaya literatura; 1993. 343 p. (In Russ.)

25. Laufer B. Essay on Mongolian Literature. Transl. by V. A. Kazakevich, ed. and foreword by B. Ya. Vladimirtsov. Leningrad: Ed. of the Leningrad Oriental Institute; 1927. 95 p. (In Russ.)

26. Kozin S. A. The epos of the Mongolian peoples and the types of their writing. *Bulletin of the Leningrad University*. 1946;(3):32–43. (In Russ.)

27. Bira Sh. *Mongolian historiography (XIII–XVII cent.)*. Moscow: Vostochnaja literatura; 1978. 322 p. (In Russ.)

28. Gaadamba Sh. Above the line of the “Secret History”. *Almanac of the Bibliophile: The Book of Mongolia*. Issue 24. Moscow: Kniga; 1988, pp. 153–159.

29. Gumilev L. N. *In search of a fictional kingdom*. Moscow: Partnership Klyshnikov, Komarov and Co. together with the publishing house “Loris”, 1992. 319 p. (In Russ.)

30. Shagdarov L. D. “The Secret History of the Mongols” – a common Mongolian literary monument. “The Secret History of the Mongols”: source study, history, philology. Novosibirsk: Nauka; Siberian Publishing Company RAS; 1995, pp. 99–108. (In Russ.)

Информация об авторе

Балданмаксарова Елизавета Ешиевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Москва, Россия.

Information about the author

Elizaveta E. Baldanmaksarova – Dr. habil. (Philol), Leading research fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Author's Links

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 27 февраля 2021
Одобрена после рецензирования: 16 апреля 2021
Принята к публикации: 23 апреля 2021
Опубликована: 29 июня 2021

Article info

Submitted: February 27, 2021
Approved after peer reviewing: April 16, 2021
Accepted for publication: April 23, 2021
Published: June 29, 2021

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«*Ориенталистика*» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.